

Хелен Деннис

Любовь в наследство

18+

Хелен Деннис

Любовь в наследство

«Автор»

2005

Деннис Х.

Любовь в наследство / Х. Деннис — «Автор», 2005

Не успела Эмили оправиться от скоропостижной смерти отца, как ее ждал новый удар: согласно завещанию итальянский деловой партнер отца Люк Фарсатти должен опекать Эмили вплоть до ее совершеннолетия. Эмили в шоке: она на целый год будет фактически привязана к мужчине, с которым у нее весьма сложные отношения. Но, возможно, Люк тоже тяготится возложенными на него обязанностями и совместными усилиями им удастся найти способ обойти условия завещания? Однако попытки Эмили освободить себя и Люка друг от друга приводят к неожиданному результату.

© Деннис Х., 2005

© Автор, 2005

Хелен Деннис

Любовь в наследство

1

Аэропорт Генуи встретил Эмили Лэнсон изнуряющей жарой. Нагретый воздух волнами поднимался от раскаленного летного поля, и очертания предметов казались дрожащими. Эмили знала, что на севере Италии стоит небывалая для июня жара, поэтому она предусмотрительно оделась в кремовую шелковую блузку с рукавами-«крылышками» и легкий льняной костюм цвета топленого молока, юбка которого была чуть выше колен.

В Лондоне, который она покинула каких-нибудь три часа назад, было прохладно, и пиджак пришелся очень кстати, но Эмили не хотела снимать его и в Генуе: ей казалось, что костюм придает ей солидность. Большие зеленые глаза, пухлые губы и аккуратненький, чуть вздернутый носик, которыми ее наделила природа, смотрелись мило, но слишком по-детски, а Эмили хотелось производить впечатление деловой молодой женщины, а не очаровательной глупышки. Однако, когда стюардесса объявила, что температура в аэропорту Генуи – тридцать два градуса по Цельсию, Эмили поняла, что придется пожертвовать солидностью в пользу здравого смысла, и сняла пиджак.

По сравнению с Хитроу аэропорт Генуи казался маленьким, но в нем было все, чему положено быть в современном европейском аэропорту, и, конечно, работал кондиционер. Эмили остановилась возле багажной «карусели». Долго ждать ей не пришлось, очень скоро по транспортеру поехали чемоданы, сумки, саквояжи и прочий багаж пассажиров лондонского рейса. Она не сразу разглядела среди вещей других пассажиров свои, транспортер совершил пару полных оборотов, прежде чем она увидела свой чемодан. Эмили подозревала, что она подсознательно стремится оттянуть момент выхода на улицу.

Выйдя из аэропорта, она словно перейдет некую невидимую, но глубоко символическую черту, за которой для нее должна начаться другая жизнь, и Эмили ждала этого момента с внутренним трепетом, если не сказать со страхом. Но оттягивать неизбежное – встречу с Люком Фарсатти – не было смысла. Хочет она этого или нет, но завещание отца, скоропостижно скончавшегося от сердечного приступа на пятьдесят третьем году жизни, привязывает ее к Люку почти на год или, во всяком случае, до тех пор, пока они вместе не придумают какой-то способ обойти условия завещания.

Эмили вздохнула, поправила переброшенный через руку пиджак, взялась за кожаную петлю большого чемодана на колесиках и решительно двинулась к автоматическим раздвижным дверям, ведущим из здания аэропорта на улицу. Она вдохнула теплый воздух с отчетливой примесью выхлопных газов и огляделась. Никого. То есть народу на бетонированной площадке перед аэропортом было даже больше чем достаточно, например, у самого выхода энергичная стайка японских туристов чуть было не смела Эмили, но никого похожего на Люка. И тут она заметила табличку с надписью «Эмили Лэнсон», которую держал над головой мужчина лет сорока в униформе и в фуражке. Все ясно, Люк прислал за ней машину с водителем.

Эмили испытала одновременно и разочарование, и облегчение. Облегчение, потому что она почувствовала себя, как осужденный, получивший отсрочку приговора, и разочарование, потому что внутренне она уже настроилась на встречу с Люком и теперь ей словно чего-то не хватало. Да и вопрос, который она собиралась с ним обсудить, можно было бы затронуть уже в машине, если бы Люк ее встретил. Эмили пошла к мужчине с импровизированным плакатом, тот, увидев, что она идет к нему, двинулся ей навстречу.

– Мисс Эмили Лэнсон? – спросил он по-английски. У него был приятный итальянский акцент.

– Да, это я. Можно просто Эмили.

– А меня зовут Фредо. Синьор Фарсатти велел мне встретить вас и доставить на виллу Пинья. Сам он не смог приехать, он планировал вернуться к вашему приезду, но задержался.

Эмили знала, что Люку пришлось срочно вылететь по какому-то неотложному делу на Ближний Восток, он уехал в аэропорт сразу после похорон ее отца, Росса Лэнсона. В том, что дело действительно неотложное, Эмили не сомневалась, иначе Люк непременно остался бы на оглашение завещания и, возможно, ей не понадобилось бы лететь к нему в Италию.

Фредо взял у Эмили чемодан и пошел вперед, показывая дорогу к машине. Эмили последовала за ним. Они остановились у темно-вишневого «мазерати». Фредо положил вещи Эмили в багажник и распахнул для нее дверцу переднего сиденья. Сев за руль и вставив ключ в замок зажигания, он первым делом включил в машине кондиционер, что было очень кстати.

Фредо оказался на удивление общительным. Пока они ехали по шоссе, и движение было не слишком напряженным, он успел сообщить Эмили, что эта часть лигурийского побережья называется «Берегом цветов» и, как заправский экскурсовод, стал рассказывать, что им предстоит ехать через Лигурийские Аппенины. Однако позже, когда Фредо свернул с шоссе на более узкую дорогу, он замолчал и сосредоточился вождении.

Дорога, прихотливо петляя, постепенно поднималась все выше, а после перевала стала серпантинном спускаться в долину. Наконец автомобиль выехал на зеленую равнину, горы остались позади. Эмили с интересом смотрела по сторонам. Большей частью дорога была обсажена высокими деревьями, но иногда в просвет можно было увидеть дома из золотистого камня, окруженные полями или виноградниками. Через некоторое время Фредо показал на небольшой лесочек, за которым виднелись крыши каких-то строений и две прямоугольные башенки с флюгерами

– Видите башенки вон там, впереди? Это вилла Пинья.

Сердце Эмили забилося чаще, она крепко сплела пальцы рук, чтобы унять дрожь. Она чувствовала себя, как студентка перед решающим экзаменом. Если бы ее спросили, чего именно она боится, Эмили не смогла бы объяснить. Казалось бы, у нее нет повода для волнения, она едет к человеку, который был другом их маленькой семьи, к человеку, которого Росс в своем завещании назначил ответственным за финансовое благосостояние дочери. На вилле ее ждут, возможно, ей даже будут рады, мать Люка всегда относилась к ней с симпатией, сам Люк тоже... хотя Эмили никогда не могла понять, что он на самом деле думает.

Эмили вспомнила их первую встречу. Это произошло четыре года назад, на вечеринке, устроенной Россом Лэнсоном в честь ее шестнадцатилетия. По такому случаю был арендован банкетный зал в лучшем отеле Лестера. У входа в зал на небольшой эстраде разместился небольшой оркестрик, вдоль двух боковых стен были расставлены столики, на которых был накрыт праздничный ужин а-ля фуршет. Еще одна стена зала представляла собой сплошной ряд стеклянных дверей, выходивших в сад. Несмотря на начало мая, погода стояла на редкость теплая, и двери были распахнуты настежь.

У входа в зал Эмили с отцом встречали гостей, большей частью это была молодежь, друзья Эмили, но Росс пригласил и своих друзей, так как он считал день рождения единственной дочери и своим праздником. Все были уже в сборе, и Эмили уже собиралась войти в зал, когда она увидела, что по посыпанной гравием дорожке, ведущей от автостоянки к отелю, идет высокий темноволосый незнакомец. Он сразу бросился ей в глаза, и не только потому, что был один, тогда как гости в основном прибывали группами или парами.

Глядя на него, Эмили подумала, что такой мужчина привлек бы ее внимание даже в шумной толпе. Он был высокого роста, выше большинства гостей, но главное – во всем его

облике, в развороте широких плеч, в пружинистой походке – ощущалась непоколебимая уверенность, которая и притягивала к нему взгляды, равно и мужские, и женские. Причем уверенность незнакомца не имела ничего общего с развязностью или с наглостью, это был тот редкий сорт уверенности в себе, который рождается от глубоко укоренившейся и вполне обоснованной веры в собственные силы, в свою способность преодолеть любые препятствия на пути к цели.

Он был в черном смокинге и в белоснежной рубашке с галстуком-бабочкой, как и большинство гостей-мужчин, но ни на ком другом смокинг не смотрелся так естественно и эффектно. Когда он подошел ближе, Эмили получила возможность рассмотреть его лицо. Вероятно, в мужчине смешалась английская кровь и какая-то южная, поскольку смуглая кожа и черные как смоль волосы сочетались со светлыми глазами, кажется, серыми; аристократически крупный прямой, с небольшой горбинкой нос, а губы...

При взгляде на его губы, четко очерченные, но без малейшего намека на женственную пухлость, у Эмили вдруг возникло необъяснимое ощущение, что она совершает нечто неприличное. Она сглотнула и поспешила перевести взгляд на волевой подбородок незнакомца. У нее мелькнула мысль, что Джордж Клуни не считался бы секс-символом, если бы комиссия – или кто там присваивает этот неофициальный титул? – увидела бы этого мужчину.

А еще при виде незнакомца Эмили испытала странное чувство – ей вдруг стало жарко, но одновременно по спине пробежал холодок предчувствия какой-то неведомой опасности.

Эмили точно знала, что видит его впервые – такого мужчину невозможно забыть или спутать с кем-то, даже если увидишь его всего раз, мельком, но у нее возникло ощущение, будто ее связывает с ним некая незримая, однако прочная нить. Он выглядел старше ее друзей и моложе друзей ее отца, однако Эмили не сомневалась, что благодаря все той же уверенности он будет чувствовать себя непринужденно в любом обществе. Но как он попал на день ее рождения, почему он здесь?

Она повернулась к отцу.

– Папа, видишь вон того высокого брюнета? Ты его знаешь? Это ты его пригласил?

Росс улыбнулся с видом фокусника, показывающего коронный номер.

– Конечно, я его знаю, а вот ты с ним пока незнакома. Я решил сделать тебе сюрприз. Но его имя ты, наверное, уже от меня слышала, это Люк Фарсатти, мой новый... Язык не поворачивается назвать его наемным работником, он мой консультант и, по-видимому, в самое ближайшее время станет официальным компаньоном.

– Фарсатти? Он итальянец?

– Наполовину, его мать Джулия – урожденная Дэвенпорт – англичанка, я с ней хорошо знаком.

– И давно он у тебя работает?

– Около года.

– Папа, но зачем тебе понадобился компаньон, тем более иностранец? Что, дела «Лэнсон Энтерпрайзис» идут плохо?

Росс нахмурился и покачал головой, но затем его лоб разгладился, а на лицо вернулась улыбка и он ласково, с легкой примесью снисходительности, сказал:

– Девочка моя, я не хочу, чтобы ты забивала свою хорошенькую головку всякими скучными делами.

– Папа, сегодня мне исполнилось шестнадцать лет, я уже взрослая... ну почти взрослая. Имею я право знать, что происходит с компанией моего отца?

Росс посерьезнел. Тема, затронутая Эмили, совершенно не подходила для обсуждения на праздничном вечере, но он знал по опыту, что если его дочь захотела получить ответ на какой-то вопрос, то она не успокоится, пока не его не получит, так что проще удовлетворить ее любопытство. Он вздохнул.

– Сейчас у нас нет времени вдаваться в подробности, но у «Лэнсон Энтерпрайзис» действительно возникли кое-какие проблемы, и не у нас одних, общий спад экономики не обошел нас стороной. Как-то мы с друзьями в загородном клубе заговорили о делах, и мне рассказали об этом Люке Фарсатти. Парень очень молод, в то время, когда происходил этот разговор, ему было всего двадцать восемь, но он уже успел стать своего рода знаменитостью. Он специализируется на спасении утопающих, только не людей, а компаний. – Видя недоуменный взгляд дочери, Росс пояснил: – Фарсатти занимается этим не благотворительности ради. Как правило, когда он вытаскивает какую-то компанию из финансовой ямы, то взамен получает долю акций и участвует в управлении. – Эмили хотела было возмутиться, но Росс жестом попросил ее не перебивать. – Вовсе не потому, что он такой хищник, просто он хочет быть уверен, что плоды его трудов не пропадут зря и компания не скатится на прежний уровень. Согласись, это вполне естественное желание.

– Пожалуй.

Росс замолчал и задумчиво посмотрел вдаль.

– Если бы у меня был сын, я бы, наверное, отнесся к этой ситуации по-другому, я бы постарался сохранить для него компанию целиком, не деля ее с компаньоном. Но раз уж так сложилось... Я же не рассчитываю, что ты встанешь во главе «Лэнсон Энтерпрайзис», поэтому я вижу свою главную задачу в том, чтобы обеспечить тебе достойный уровень жизни и сейчас, и в будущем. – Росс улыбнулся, но улыбка получилась немного вымученной. – Компания уцелела и процветает, она приносит доход, а остальное уже не так важно.

Эмили погладила отца по руке.

– Папа, не расстраивайся. Мне очень жаль, что ты хотел сына, а родилась я...

– Не смей так говорить, девочка моя! Я ни одной минуты, ни одной секунды не мечтал о том, чтобы у меня был сын вместо тебя. Если мне и хотелось бы иметь сына, то не вместо дочери, а вместе с ней! У меня прекрасная дочь, я только сожалею, что твоя мама не дожила до этого дня.

Росс снова улыбнулся, на этот раз улыбка получилась более естественной, возможно, потому, что к ним подошел Люк Фарсатти.

– Девочка моя, познакомься, это мистер Лукас Фарсатти, – торжественно сказал Росс. – Люк, это моя дочь Эмилия Лэнсон.

Эмили протянула новому гостю руку и, почему-то вдруг оробев, несмело подняла на него взгляд. Люк Фарсатти не пожал ее руку, как она ожидала, а поднес ее к губам, одновременно склонившись в галантном поклоне.

– Рад с вами познакомиться, мисс Лэнсон. Ваш отец много о вас рассказывал.

Люк не позволил себе ничего лишнего, его теплые губы лишь на секунду коснулись ее руки, но Эмили ощутила это короткое прикосновение каждой нервной клеткой. В горле у нее пересохло, сердце забилось чаще. Наверное, это потому, что я не привыкла, чтобы взрослый мужчина, тем более такой красивый, целовал мне руку, подумала она, отчаянно пытаясь взять свои чувства под контроль. И ее старания увенчались успехом: когда она заговорила, голос звучал почти нормально, разве что с легким придыханием.

– Я тоже рада познакомиться, мистер Фарсатти. Зовите меня просто Эмили.

– Только если вы будете называть меня Люком.

Эмили настолько взяла себя в руки, что даже сумела вежливо улыбнуться.

– Хорошо, Люк.

Он выпрямился и посмотрел Эмили в глаза; их взгляды встретились. Серые – они действительно оказались серыми! – глаза Люка смотрели на нее внимательно, чуть насмешливо. Контакт их взглядов длился пару секунд, не больше, но Эмили испытала странное, не поддающееся никакой логике ощущение, что за эти секунды в ее жизни и в ней самой что-то необ-

ратимо изменилось. Она еще не понимала, что именно, но твердо знала, что отныне никогда уже не станет прежней.

Из оцепенения ее вывел голос отца:

– Пойдем, Эмили, гости ждут. Пошли, Люк.

Люк как галантный кавалер предложил Эмили опереться на его руку, она так и сделала, одарив его ослепительной – как она надеялась – улыбкой. Несмотря на то что Эмили познакомилась с Люком всего несколько минут назад, она ни секунды не раздумывала о том, стоит ли входить в зал, опираясь на его руку: появиться в обществе под руку с таким кавалером, как Люк Фарсатти, не отказалась бы ни одна девушка на свете. Рядом с Люком Эмили чувствовала себя повзрослевшей, возможно, оттого, что сейчас Люк обращался с ней, как со взрослой.

Когда Эмили и Люк вошли в зал, все взгляды обратились к ним. У Эмили мелькнула мысль, сейчас ей наверняка завидуют все подруги, да и взрослые женщины, жены друзей отца. К сожалению, Люк не задержался рядом с ней надолго. Подведя Эмили к группке ее подруг, он отпустил ее руку, склонил голову в коротком поклоне и бросил на прощание:

– Не буду узурпировать именинницу. Развлекайся, Эмили.

Эмили показалось, что он нарочно установил дистанцию между собой и ее сверстниками; ей это не понравилось, но она ничего не могла поделать, оставалось только смириться.

Едва Люк отошел от Эмили, его окружили другие гости, в основном женщины, и больше он не оставался один ни на минуту.

После того, как прозвучали поздравления и тосты в честь новорожденной и ее отца, начались танцы. Эмили нет-нет да и поглядывала на Люка, когда удавалось разглядеть его среди гостей так, чтобы ее внимание не было слишком явным. По долгу хозяйки вечера Эмили в перерывах между танцами переходила от одной группы гостей к другой, обмениваясь светскими любезностями с друзьями отца и следя за тем, чтобы никто из гостей не скучал. Несколько раз она оказывалась и рядом с Люком. Его поведение озадачивало Эмили: он то разговаривал с ней, как с равной, то вдруг начинал подшучивать над ее детской наивностью, заставляя ее почувствовать себя чуть ли не дошкольницей, а то вдруг становился холодным и отчужденным. При этом Эмили пару раз ловила на себе его взгляды, которые никак нельзя было назвать холодными.

В последнее время за Эмили ухаживал Питер Реймси, симпатичный блондин. Питер нравился многим девочкам, но Эмили относилась к нему довольно спокойно, по-дружески. Несмотря на то что Питер был ее ровесником и на голову выше нее ростом, порой он казался ей слишком маленьким.

В тот вечер Питер часто приглашал ее на танец, почти не оставляя такой возможности другим. Надо отдать ему должное, танцевал он хорошо и в отличие от некоторых вел себя корректно, не слишком прижимал Эмили к себе во время медленных танцев, но на быстрых ему, пожалуй, не доставало темперамента. Однако Эмили хотелось, чтобы ее пригласил Люк, а он этого не делал. Люк вообще не танцевал, его, похоже, больше интересовала беседа с Россом Лэнсоном, чем танцы. Возможно, он считал себя слишком взрослым для компании школьников, но одноклассницы Эмили определенно так не считали. Эмили не раз ловила их полные обожания взгляды, обращенные на Люка, и почему-то это ее раздражало.

В конце концов, не дождавшись приглашения Люка, Эмили решила пригласить его сама. Музыканты заиграли романтическую мелодию из популярного французского фильма. Увидев, что отец куда-то отошел, оставив Люка одного, Эмили решила не упускать свой шанс. Она вздохнула поглубже, как перед прыжком в воду, и пошла к Люку. На то, чтобы проложить себе путь между гостями, ушло некоторое время, Эмили пожалела, что не подошла поближе заранее. Но вот она остановилась перед Люком. Он был намного выше ее, даже в туфлях на шпильке Эмили приходилось задирать голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Мистер Фарсатти, – церемонно сказала она, – позвольте пригласить вас на танец. – В последний момент, испугавшись, что он может отказаться, Эмили выпалила на одном дыхании: – Между прочим, когда приглашает дама, кавалер не имеет права отказаться.

– Воля дамы для меня – закон.

Люк улыбнулся немного насмешливо, склонил голову в шутливом поклоне и взял Эмили за руку.

Они вошли в круг танцующих, Люк положил другую руку на талию Эмили и мягко привлек ее к себе. Она положила свободную руку на его широкое плечо. Танец с Люком совершенно не походил на танец с Питером. И дело было вовсе не в том, что Люк выше Питера. Танцуя с Питером, Эмили могла болтать о пустяках, смотреть по сторонам, перебрасываться фразами с другими танцующими. С Люком все было иначе. Эмили перестала замечать другие пары, она вообще никого и ничего не замечала, кроме Люка. А уж вести светскую беседу она, наверное, не смогла бы даже под страхом смерти, и она была рада, что Люк тоже молчит.

Тепло его большого, сильного, но удивительно гибкого тела обволакивало ее. Ладонь, лежавшая на ее талии, казалось, посылала по всему ее телу токи какой-то неизвестной науке энергии. От Люка исходил едва ощутимый, чисто мужской аромат – теплой кожи, дерева, дыма и еще чего-то, не поддающегося определению. Эмили не знала, был ли то собственный запах Люка или аромат изысканного мужского парфюма, но результат был ошеломляющим: она почувствовала странную легкость во всем теле, небольшое головокружение и одновременно какое-то томление. Ей подумалось, что если такой эффект оказывает мужская туалетная вода, то ее производитель должен стать мультимиллиардером. Головокружение не было для Эмили новым ощущением, в детстве у нее часто кружилась голова после каруселей. На этот раз чувство было совсем другим, приятным, волнующим, Эмили хотелось, чтобы оно никогда не проходило, чтобы танец продолжался вечно.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается, закончился и этот танец. Руководитель оркестра объявил перерыв, и музыканты ушли отдыхать. Люк отпустил руку Эмили, но ладонь, лежавшую на ее талии, не убрал. Эмили подумала, что, вероятно, так ему было удобнее провожать ее, лавируя между других пар. Пока они с Люком танцевали, тепло окутывало Эмили полностью, но сейчас жар сосредоточился в одном месте – там, где его ладонь касалась ее талии. Люк наклонился к Эмили и, щекоча ее ухо своим дыханием, заметил с насмешливыми нотками в голосе:

– Предпочитаете, чтобы я вернул вас вашему поклоннику, или он сам вас разыщет?

Эмили вопросительно посмотрела на него.

– Вы имеете в виду Питера?

– Да, а что, у вас их несколько?

– Не в этом дело. Просто Питер никакой не поклонник, мы с ним друзья, вот и все.

– Сомневаюсь, что он разделяет ваше мнение. Мне показалось, у него на вас серьезные виды. Так проводить вас к нему?

Эмили вдруг стало обидно, что он снова обращается с ней, как с девчонкой-несмышленком. Неужели он не видит, что она уже взрослая?!

– Не надо меня ни к кому отводить, я сама как-нибудь разберусь, где мне стоять и с кем общаться! Мне шестнадцать лет, я уже не ребенок!

Люк снисходительно усмехнулся.

– Ах, извините, мисс Росс, конечно, шестнадцать лет – весьма почтенный возраст. – Он вдруг посерьезнел и добавил без тени юмора: – Если вы считаете себя взрослой, то я в мои двадцать восемь, почти двадцать девять, наверное, кажусь вам глубоким стариком.

Эмили хотела возразить, но не успела: они подошли к столикам, и тут же, как по мановению волшебной палочки, рядом с ними откуда-то возник Питер. Люк убрал руку с талии

Эмили, и ей сразу стало как-то зябко, хотя в зале было тепло. Да и от крупной фигуры Люка теперь веяло не теплом, а арктическим холодом – или Эмили это только почудилось?

– Что ж, молодые люди, веселитесь дальше, – сказал он чужим голосом. – А мне, к сожалению, нужно еще сделать кое-какие дела.

В тот вечер Эмили больше не видела Люка. Но их первая встреча не стала последней. Эмили не знала, почему Люк не бывал в их доме раньше – сам не хотел или Росс его не приглашал, – но после ее шестнадцатилетия он стал бывать у них в каждый свой приезд в Англию, да и в Англии он стал проводить едва ли не больше времени, чем в Италии, где у него была собственная инвестиционная компания. Иногда он просто приезжал к Россу, и они разговаривали о чем-то в кабинете, часто он оставался на обед, несколько раз они втроем – Росс, Эмили и Люк – ездили в театр.

Вскоре Эмили воспринимала его уже не как делового партнера отца, а как друга семьи. Она могла бы сказать, что они стали друзьями, но что-то ей мешало, наверное, все та же неопределенность в отношениях, которую она почувствовала еще при первой встрече с Люком. Эмили не знала, как он ее воспринимает – как дочь Росса, почти девочку, или как женщину. Эмили предпочитала последнее. Сама-то она совершенно точно видела в нем мужчину, иначе и быть не могло, при его-то бьющей в глаза мужественности. Но эта двойственность всегда выводила Эмили из равновесия, когда Люк был рядом. Рядом с ним она чувствовала себя, как на краю пропасти: страшно, но при этом так и тянет заглянуть в темную глубину.

Завещание отца... Эмили до сих пор не до конца оправилась от потрясения, которое испытала в кабинете поверенного.

– Это какое-то недоразумение! – воскликнула она, прочтя документ. – Отец не мог оставить такое завещание!

Поверенный семьи Лэнсон, мистер Уильям Харрисон, худощавый лысеющий мужчина лет пятидесяти пяти, со свойственной представителям его профессии сдержанностью выдержал паузу, давая клиентке время успокоиться, и произнес тоном, приличествующим случаю:

– Ошибки нет, мисс Лэнсон. Согласно воле вашего покойного отца вплоть до достижения вами гражданского совершеннолетия, то есть двадцати одного года, наследуемый вами основной капитал и ваша доля акций компании «Лэнсон Энтерпрайзис» передаются в доверительное управление мистеру Лукасу Фарсатти.

Слушая витиеватую речь мистера Харрисона, Эмили с трудом сдерживалась, чтобы не дать волю чувствам. От бессильной досады ей хотелось визжать и топтать ногами. Шок от услышанного вытеснил даже скорбь по скорпостижно скончавшемуся отцу. Она постаралась взять себя в руки и как можно спокойнее уточнила:

– То есть если я, к примеру, захочу открыть свою фирму, я не смогу воспользоваться капиталом? Я правильно поняла?

– Совершенно верно, – бесстрастно ответил поверенный. – Вы можете снимать ежемесячно...

Он сверился с бумагами и назвал сумму, которой вполне хватило бы для благополучного существования одинокой двадцатилетней девушки с нормальными запросами, но было абсолютно недостаточно для того, что Эмили задумала.

Она вздохнула.

– И что же мне теперь делать?

Лицо мистера Харрисона не утратило профессионально нейтрального выражения.

– Полагаю, если у вас есть какие-то сомнения, вам следует обсудить ваше положение с мистером Фарсатти. Хотя я лично не вижу юридических оснований опротестовывать завещание. Вот если бы мистер Лэнсон отписал мистеру Фарсатти положенное вам наследство, тогда другое дело, но завещание вашего отца в его настоящем виде не ущемляет ваши интересы.

Это вы так думаете, хотелось возразить Эмили, а у меня на этот счет другое мнение! Но она промолчала, снова вздохнула и спросила:

– А Люк... то есть мистер Фарсатти знает о завещании?

– Я свяжусь с ним в самое ближайшее время, кроме того, копия завещания уже послана ему по факсу, а заверенная нотариально копия будет доставлена курьерской почтой. Если желаете, я дам вам знать, когда мне удастся с ним переговорить.

Эмили рассеянно кивнула, поблагодарила поверенного и вышла на улицу. Придя домой, она первым делом попыталась связаться с Люком по телефону. Это оказалось непросто, номеров его итальянских телефонов Эмили не знала, а в офисе «Лэнсон Энтерпрайзис» сказали, то, что Эмили и без того знала: мистер Фарсатти на Ближнем Востоке и неизвестно когда вернется. И еще добавили, что из этой поездки он планировал возвращаться не в Англию, а в Италию. Эмили попросила секретаршу передать Люку, если он будет звонить, чтобы он позвонил ей домой.

Сидеть в опустевшем доме и ждать, когда Люк вернется или соизволит сам с ней связаться, было невыносимо, поэтому, когда Люк позвонил ей и предложил встретиться на вилле Пинья, Эмили, не раздумывая, согласилась. Слышимость была очень плохой, Эмили даже не расслышала толком, откуда Люк звонит, поэтому о том, чтобы обсудить их общую проблему по телефону, не могло быть и речи. Они договорились, что Эмили вылетит в Геную, где Люк встретит ее в аэропорту.

Закончив короткий разговор с Люком, Эмили позвонила секретарше отца, теперь уже бывшей, та по ее просьбе заказала билет на самолет до Генуи и пообещала сообщить номер рейса на виллу Пинья, чтобы Люк получил эту информацию, как только вернется.

2

– Мы почти приехали, синьорина.

Голос Фредо вернул Эмили из прошлого в настоящее, и она увидела, что автомобиль въехал в открытые ворота и едет по мощеной подъездной дороге. Она выпрямилась на сиденье, достала из сумочки пудреницу и посмотрелась в маленькое зеркальце. Волосы лежат вполне прилично, нос не блестит, вот только под глазами заметны тени, хотя она и попыталась замаскировать их тональным кремом. Но это простительно, учитывая обстоятельства, ставшие причиной ее приезда. Эмили убрала пудреницу и повернулась к окну. Подъездная дорога сделала поворот, и открылся прекрасный вид на виллу Пинья. Эмили с интересом рассматривала старинное здание с арочной галереей по центру и с двумя симметрично расположенными по бокам прямоугольными башенками. Опираясь на свои познания в области истории искусств, которую она изучала в колледже, Эмили решила, что вилла была построена в шестнадцатом веке, но позже здание не раз достраивалось и перестраивалось – более старый камень, из которого была сложена центральная часть, со временем приобрел сероватый оттенок, а более новый смотрелся веселее. Башенки в псевдоготическом стиле, вероятно, были пристроены лет сто назад – совсем недавно, если сравнивать с возрастом виллы.

Объехав большую овальную клумбу, разбитую перед парадным входом на виллу, автомобиль затормозил у широкой каменной лестницы. Из дома вышла пожилая женщина в темном платье и белом переднике. Роза, догадалась Эмили. Люк рассказывал ей об экономке, которая была сначала нянькой, а потом горничной ее матери. После того, как Джулия Дэвенпорт вышла замуж за Анджело Фарсатти и переехала к мужу в Италию, Роза не захотела расставаться со своей любимицей и поехала вместе с ней. Впоследствии она вышла замуж за Фредо, шофера Анджело, и осталась в Италии навсегда. Роза с улыбкой заторопилась к машине. Фредо вышел из машины и распахнул дверцу перед Эмили. Она вышла и остановилась в нерешительности.

Роза сделала старомодный реверанс и тепло улыбнулась.

– Добро пожаловать на виллу Пинья, мисс Лэнсон! Проходите, Фредо принесет ваши вещи.

Фредо тем временем достал из багажника вещи Эмили и занес их в вестибюль.

Следуя за экономкой, Эмили поднялась по широкой пологой лестнице и вошла в парадный вестибюль. Широкие каменные плиты пола и сводчатый потолок, по-видимому, сохранились со времени постройки виллы. Роза стала объяснять, где находится столовая и как до нее дойти. Слушая ее, Эмили одновременно с интересом разглядывала старинные гобелены на охотничьи сюжеты, украшавшие темные, обшитые деревом стены.

Из вестибюля они поднялись по широкой винтовой лестнице на второй этаж и оказались в холле, от которого в две стороны отходили коридоры. Роза повела Эмили в южное крыло.

После темного коридора, обшитого дубовыми панелями, комната, в которую ее привела Роза, поразила Эмили обилием света и воздуха. Прямо напротив двери находилось большое окно с видом на парк, и застекленная дверь на балкон. Эмили огляделась. Над отделкой комнаты явно потрудился талантливый декоратор, которому удалось создать интерьер женственный, но совершенно лишенный приторной слащавости. В убранстве спальни преобладали бежевые тона разных оттенков, стены были обиты светло-бежевой тканью в мелкий желтый и розовый цветочек. Большая кровать с пологом, туалетный столик, комод, гардероб и кресла с обивкой из такой же ткани, как и обивка стен, были явно старинными, но кто-то проявил фантазию и потрудился, чтобы придать им более современный вид. Эмили предполагала, что первоначально дерево на них было таким же темным, как в вестибюле и на стенах коридора, но их заново выкрасили матовой краской цвета слоновой кости. При спальне имелась отдельная ванная.

Очень милая комната, подумала Эмили, но подозрительно смахивает на детскую. Хорошо еще, что обои в цветочек, а не с рисунком из каких-нибудь мишек или бабочек. Неужели Люк по-прежнему считает меня ребенком? Это в двадцать-то лет? Или он просто предоставил мне ту комнату, которая была свободна и подготовлена для жилья?

Фредо внес ее вещи и удалился.

– Если хотите, можете посидеть на балконе, а я пока распакую ваш багаж, – предложила Роза. – Ужин у нас обычно в семь.

– Спасибо, Роза, пожалуй, я лучше разберу вещи сама.

Эмили отказалась от помощи главным образом потому, что ей хотелось побыть одной и освоиться. Кроме того, теперь, когда Эмили приехала на виллу, она почему-то заволновалась и ее вдруг стали одолевать сомнения, правильно ли она поступила, согласившись сюда приехать. Она надеялась, что, если займет чем-то руки, это поможет ей успокоиться.

– Как вам будет угодно, мисс Лэнсон.

– Роза, зовите меня, пожалуйста, по имени, а то у меня такое чувство, что я снова вернулась в закрытый пансион.

Экономка улыбнулась.

– Хорошо, мисс Эмили.

Роза ушла. Эмили открыла чемодан и успела только повесить в шкаф несколько юбок и брюк, когда в дверь комнаты постучали. Недоумевая, кто бы это мог быть, Эмили подошла к двери и открыла. Оказалось, вернулась Роза.

– Мисс Эмили, вас к телефону мистер Фарсатти. Вы можете подойти к аппарату?

Люк!

– Да, конечно.

Эмили вышла в коридор и поспешила за Розой. Экономка привела ее в холл, через который они уже проходили. Здесь на круглом столике красного дерева стоял телефон, на который Эмили раньше не обратила внимания.

– Здравствуй, Люк. Ты где?

В трубке затрещали помехи и только потом Эмили услышала голос Люка.

– Здравствуй, Эмили, с приездом. – Из-за плохой слышимости Эмили не могла понять по голосу Люка, рад ли он ее приезду. – Извини, что не встретил, но тут возникла небольшая заварушка, без моего личного участия не обойтись. Я прилечу сразу же, как только смогу, возможно, даже завтра, но точно пока сказать не могу.

– А что мне...

На линии снова пошли помехи, и связь прервалась. Эмили ничего не оставалось, как повесить трубку. Звонок Люка ее немного приободрил – по крайней мере, теперь она убедилась, что Люк не забыл о ее существовании, но неопределенность по-прежнему раздражала. Эмили хотелось поскорее встретиться с Люком, обсудить все вопросы и решить наконец, как ей жить дальше. Эмили вернулась в свою комнату и первым делом отправилась в душ, чтобы смыть пыль и усталость. После душа она надела длинный махровый халат цвета морской волны, который привезла с собой, и вышла на балкон, где стояли два плетеных кресла и столик. Она пододвинула одно кресло поближе к перилам и села.

Солнце клонилось к закату, деревья в парке отбрасывали длинные тени на сочную зелень ухоженной лужайки. Парк очень напоминал английский.

Эмили подняла взгляд на небо. Она с детства любила смотреть на небо в любое время суток, его безграничность всякий раз напоминала ей о том, что она сама – лишь песчинка в бесконечном мире, но это ощущение не подавляло, а, наоборот, пробуждало стремление узнать как можно больше, везде побывать, все увидеть, все успеть. Когда кто-то из старших начинал говорить Эмили, что она еще молода и у нее все впереди, эти доводы ее не убеждали. И безвременная смерть отца лишний раз напомнила, что не стоит ничего откладывать на потом.

Отец... Кроме него, у Эмили никого не было. Ее мать, Сьюзен Лэнсон, умерла в родах в возрасте двадцати семи лет. Бабушка и дедушка Эмили с отцовской стороны умерли, когда она была еще маленькой – Росс был единственным ребенком в семье, причем поздним. Родителей матери Эмили не знала, она даже не была уверена, что они еще живы, – Сьюзен после замужества не поддерживала отношения с родителями. Все-таки у судьбы весьма своеобразное чувство юмора, думала Эмили, вздыхая. Девятнадцатилетняя Сьюзен влюбилась в двадцатидвухлетнего Росса, когда у того в карманах гулял ветер. Ее родители были категорически против этого брака, Сьюзен поссорилась с ними и ушла из дому. Если бы они могли разглядеть в молодом человеке подающего надежды бизнесмена, который уже к двадцати пяти годам добьется успеха и станет владельцем преуспевающей компании, их отношения с дочерью могли бы сложиться иначе. Но они не смирились со своевольным поступком дочери, буквально вычеркнули ее из своей жизни. Семейное счастье Росса и Сьюзен продлилось девять лет.

Из рассказов отца Эмили знала, что в первые три года брака, пока их материальное положение было шатким, они не хотели заводить детей, позже Сьюзен не удавалось забеременеть, хотя Росс мечтал о наследнике. Когда долгожданное событие все-таки произошло, беременность протекала тяжело и закончилась для Сьюзен трагически. В тридцать один год Росс Лэнсон остался вдовцом и больше не женился, хотя желающих скрасить жизнь очень привлекательного и к тому же состоятельного мужчины нашлось немало. Всю свою нерастраченную любовь к рано ушедшей жене Росс перенес на маленькую дочь.

Однако будучи проницательным бизнесменом, как воспитатель Росс оказался не очень дальновидным. Он стремился дать Эмили самое лучшее – по его представлениям – образование и оградить ее от всех невзгод и не замечал, что его дочь растет в тепличных условиях, не зная реальной жизни. Порой мужчина, у которого нет сына, совершает ошибку, воспитывая дочь, как мужчину, Росс же впал в другую крайность. Он искренне верил, что девочке ни к чему осваивать премудрости науки и тонкости бизнеса, что главное для девушки – стать в будущем хорошей женой состоятельного человека. Он заранее смирился с тем, что не сможет

передать дочери управление компанией, и, по-видимому, рассчитывал когда-нибудь в будущем сделать своим преемником мужа Эмили.

Но Эмили, по-видимому, унаследовала бунтарский дух матери. Ей было тесно в рамках уютного, но замкнутого мирка, она мечтала стать независимой женщиной, хозяйкой своей судьбы. На ее счастье, когда она решила после школы поступать в колледж и изучать гостиничный бизнес, Росс этому не препятствовал: он рассудил, что в будущем, когда Эмили выйдет замуж, ей очень пригодится умение обставить дом или даже поместье. Росс не знал, что его дочь вынашивает планы после окончания колледжа открыть собственный фитнес-отель.

Идея создать фитнес-отель родилась у Эмили лет в двенадцать, когда многие ее одноклассницы начали придирчиво разглядывать в зеркале свои фигуры и интересоваться диетами. Перед Эмили проблема личного веса никогда не стояла, вероятно благодаря хорошей наследственности, но она знала, что очень многие девушки мечтают избавиться от лишних килограммов, истинных или мнимых. Тогда-то у Эмили и возникла мысль, что хорошо бы иметь такое место, где квалифицированные специалисты беспристрастно оценят твою фигуру, подскажут, в каких местах нужно убавить, а в каких не помешает и прибавить, объяснят, как этого добиться, и самое главное, где можно провести несколько недель, целиком посвятив их достижению заветной цели.

Эмили уже представляла, как в женских журналах появляются восторженные отзывы ее клиенток с фотографиями «до» и «после». Она любила продумывать детали будущего предприятия, отчетливо представляла себе отель, стоящий в окружении зеленых холмов и полей в сельской глубинке Англии, тренажерный зал, просторный класс для занятий аэробикой, ресторан, где подают только диетические блюда... Однако внезапная смерть отца и его странное завещание поставили крест на планах Эмили или, по крайней мере, откладывали их исполнение на неопределенный срок.

День похорон Эмили вспоминать не хотелось. Раздавленная горем, она сидела в кабинете отца, невидяще глядя перед собой. Услышав, что открылась дверь, Эмили подняла голову и увидела Люка. И тут на нее что-то нашло: она вскочила со стула и в буквальном смысле слова бросилась Люку на шею. Впоследствии Эмили объясняла свое странное поведение тем, что от горя у нее на время помутилось сознание, других причин она не видела. Но тогда она думала только о том, как хорошо прижаться к большому крепкому телу Люка, почувствовать, как его сильные и такие надежные руки обнимают ее, выплакать ему свое горе. Словом, она повела себя, как девчонка. Неудивительно, что Люк вдруг напрягся, застыл, как каменный, а потом оттолкнул ее от себя, как будто ему было противно до нее дотрагиваться.

Откуда-то издалека донеслось уханье совы. Эмили посмотрела на часы и поняла, что засиделась на балконе и ей уже пора одеваться к ужину.

Что-что, а выбирать одежду, соответствующую случаю, Эмили умела. Вот только было непонятно, что за ужин ей предстоит, насколько он будет официальным. Приедет ли к ужину Люк? В конце концов Эмили решила одеться нейтрально, не слишком нарядно, но и не слишком буднично, не очень строго, но и не слишком фривольно. Голубое шелковое платье в мелкий цветочек было чуть выше колен, лиф с треугольным вырезом облегал грудь, к низу от талии платье плавно расширялось.

Когда Эмили спустилась в вестибюль, там ее ждал молодой человек лет двадцати. Он был в легких льняных брюках цвета хаки и бежевой рубашке-поло. Увидев спускающуюся по лестнице Эмили, он широко улыбнулся и пошел ей навстречу. Он смотрел на нее с таким нескрываемым восхищением, что Эмили казалось, будто она спускается в круге света, как опереточная примадонна, выходящая на сцену. Было нетрудно догадаться, что молодой человек – родственник Люка, между ними явно чувствовалось фамильное сходство, и его первые слова подтвердили догадку Эмили.

– Эмили? Я – Тонино, младший брат Люка.

– Младший брат?

Видя, что Эмили удивлена, Тонино нахмурился.

– Неужели Люк не упоминал о моем существовании?

Эмили поспешила успокоить его:

– Конечно, Люк говорил, что у него есть младший брат, просто я почему-то думала, что вы живете в другом месте.

Лицо молодого человека прояснилось, он улыбнулся и пояснил:

– Это потому, что последние три года я учился в Миланском университете и жил в кампусе. Но теперь занятия закончились, мне осталось только сдать экзамен на бакалавра, и я вернулся домой. – Тонино снова посерьезнел. – Извините, что вас никто не встретил, нехорошо получилось. Если бы Люк позвонил мне и предупредил, что к нам приезжает гостья и ее некому принять, я бы мог встретить вас в аэропорту. Мама сейчас на Канарах, ее вообще трудно застать на вилле, а Люк... – Тонино снова нахмурился и покачал головой. – Не понимаю, о чем только он думал! Я ведь не собирался приезжать сегодня, хорошо еще, что я сегодня днем позвонил на виллу, чтобы переговорить с Люком, и узнал от Розы, что вы прилетаете, а Люк еще не объявился. Я приехал так быстро, как только смог. Еще раз извините, невежливо как-то получилось. Надеюсь, вы не обиделись?

– Нет, что вы, я поняла, что Люк занят, – не очень искренне ответила Эмили.

Тонино снова улыбнулся и вдруг лукаво подмигнул.

– Тем хуже для него и тем лучше для меня.

Эмили видела молодого человека впервые в жизни, но почему-то сразу почувствовала себя с ним непринужденно, словно они были давними друзьями. Тонино провел ее по короткому коридору и остановился перед арочным проходом в столовую. Здесь он галантно пропустил Эмили вперед со словами:

– Прошу к столу. А после ужина я покажу вам дом.

Столовая оказалась небольшой и очень уютной. С потолка на длинной цепи свисала старинная люстра, по-видимому, изначально в нее вставляли свечи, но позже она была переделана под электрические лампочки. Два высоких узких окна были обращены в ту же сторону, что и окно в спальне Эмили. На мраморной полке над камином тикали большие старинные часы. Овальный дубовый стол в центре комнаты был накрыт на двоих.

Тонино отодвинул для Эмили стул и, когда она села, занял место напротив нее. Роза подала им салат из спаржи, затем последовал суп минестроне, ризотто с креветками и на десерт – персики в желе. Если Эмили и опасалась, что за столом будет царить неловкое молчание, то ее опасения очень быстро развеялись. Несмотря на то что они с Тонино до сегодняшнего дня не были знакомы, у них нашлось на удивление много тем для разговора. Оказалось, что они оба обожают «фэнтези», итальянские комедии, слушают группу «Оазис» и любят классические песни «Битлз». Вскоре они оживленно болтали, как старые знакомые. После ужина Тонино предложил устроить для Эмили экскурсию по вилле и парку.

– Право, не знаю, ведь уже стемнело... – засомневалась Эмили.

– Не бойся, дикие звери у нас тут не водятся. А в парке горят фонари, и по вечерам он выглядит особенно романтично, но, если ты устала, мы можем не углубляться далеко.

Эмили согласилась. Они вышли на улицу через парадную дверь. У самой лестницы стоял красный «альфа-ромео» с откидным верхом. Тонино похлопал автомобиль по капоту и с гордостью сказал:

– Мой железный конь.

Эмили запрокинула голову и посмотрела на небо. С темно-синего, почти черного купола сияли крупные южные звезды, казавшиеся неправдоподобно яркими. Она восхищенно ахнула.

– Какая красота! У нас в Лестере таких звезд не бывает.

– Ну вот, а ты не хотела выходить на прогулку.

В парке действительно оказалось очень романтично; умело расставленные фонари подсвечивали деревья и дорожки так, что освещенные участки чередовались с таинственно затемненными уголками, казалось, специально созданными для влюбленных. Интересно, каково было бы прогуляться здесь ночью с Люком, останавливаясь под каждым деревом... Эмили поспешно отогнала эту мысль как нелепую, но гулять по романтическим дорожкам ей почему-то расхотелось. Чтобы не обидеть Тонино, она решила сослаться на усталость.

– Да, я вижу, что в парке сейчас очень красиво, но я так устала, что с трудом переставляю ноги. Может, отложим прогулку до утра?

Тонино не стал настаивать и тут же предложил другой вариант:

– Можно и отложить, только я предлагаю сначала искупаться в бассейне и немного позагорать, пока не жарко. – Он посмотрел на светлую кожу Эмили. – У нас в Италии женщины прячут кожу от солнца, но ты наверняка хотела бы вернуться в Англию с южным загаром, правда?

Эмили кивнула.

– Конечно.

Тонино улыбнулся.

– Значит, договорились. Я попросил Розу подать завтрак тебе в комнату, чтобы ты могла выспаться. Когда проснешься, позвони в колокольчик, и она принесет завтрак. Предлагаю встретиться в вестибюле в десять часов. Это для тебя не рано?

– Нет, конечно.

Молодые люди вернулись в дом. Тонино сказал, что его комната находится в северном крыле, поэтому они пожелали друг другу спокойной ночи и расстались в холле.

Войдя в свою комнату, Эмили поняла, что действительно устала, поэтому она умылась и сразу легла спать.

3

Утром Эмили разбудил яркий солнечный луч, пробившийся в щель между занавесками. Эмили посмотрела на часы – половина восьмого. Она встала, сделала небольшую зарядку и вышла на балкон. Утро было чудесное, в воздухе пахло свежескошенной травой и цветами, даже не хотелось возвращаться в комнату, но пришло время позавтракать. В спальне возле двери висел старинный колокольчик, но, когда Эмили стала звонить, она обнаружила, что звонок старинный только с виду, в действительности от колокольчика за пределы комнаты уходит электрический провод.

Роза пришла очень быстро, всего через пару минут после звонка. Она поставила на столик поднос, накрытый салфеткой, и ушла. Эмили сняла салфетку; завтрак выглядел очень аппетитно. В плетеной корзиночке лежали теплые булочки, из носика кофейника струился аромат только что смолотого и сваренного свежего кофе, рядом стоял молочник со сливками. На сервировочной тарелке, разделенной на три части, Эмили обнаружила пармскую ветчину, нарезанную тонкими, почти прозрачными ломтиками, масло и джем.

После завтрака Эмили надела купальник. Она взяла их несколько, и для первого раза выбрала самый открытый, чтобы поскорее загореть. Купальник состоял из треугольников и тесемочек: два треугольника – один побольше, другой совсем маленький – образовывали трусики-бикини, два других, соединенные тесемками, составляли верхнюю часть. До встречи с Тонино еще оставалось время, и Эмили решила посидеть на балконе с книжкой, пока солнце не слишком припекает.

Но сосредоточиться на чтении не удавалось, в голову лезли мысли о Люке. Когда он придет? Найдет ли он способ обойти условия завещания ее отца, захочет ли вообще возиться с этим делом? Эмили поймала себя на мысли, что в третий раз читает одну и ту же страницу,

закрыла книгу и стала просто смотреть вдаль, наслаждаясь прелестью летнего утра и слушая доносившееся из парка пение птиц. Задумавшись, Эмили не заметила, как пролетело время. Когда она в следующий раз посмотрела на часы, то поняла, что уже опаздывает. Набросив поверх купальника легкую тунику, Эмили вышла из комнаты и поспешила вниз.

Тонино ждал ее в вестибюле. Он был в джинсовых шортах и в футболке песочного цвета с какой-то надписью на итальянском.

– Доброе утро. – Тонино зевнул, прикрыл рот рукой и улыбнулся. – Извини. Как спалось?

– Спасибо, прекрасно.

– Предлагаю сначала искупаться, чтобы окончательно проснуться, потом можно позагорать у бассейна, а когда станет жарко, я покажу тебе парк, спрячемся от солнца под деревьями. Идет?

Эмили улыбнулась.

– Идет.

Они прошли по небольшому коридору и вышли во внутренний дворик. Бассейн, формой напоминающий изогнутую восьмерку, был расположен так, что утром солнце освещало его и нагревало воду, а после полудня, когда становилось жарко, оказывался в тени. На вымощенной терракотовой плиткой площадке вокруг бассейна, под пальмами, росшими в кадках, стояло несколько шезлонгов. Эмили сняла тунику и бросила ее на шезлонг.

Увидев ее в купальнике, Тонино восхищенно расширил глаза, но потом смутился, быстро отвернулся и стал стягивать с себя футболку. Пока он снимал шорты, стоя спиной к Эмили, она украдкой его разглядывала. Тонино не отличался мощным телосложением, был не широк в плечах, но, судя по хорошо развитым мышцам, вероятно, он регулярно посещал тренажерный зал. Раздевшись, Тонино нырнул с бортика в воду, проплыл несколько метров и, вынырнув, помахал рукой Эмили.

– Прыгай, не бойся!

Спускаясь в воду по лестке, Эмили взвизгнула от неожиданности – вода оказалась довольно холодной, – но вскоре она привыкла. Они с Тонино плавали наперегонки, Эмили выдохлась первой. Она выбралась из воды и, сев на бортик, болтала ногами в воде и смотрела, как Тонино рассекает воду сильными гребками. Наконец и Тонино устал. Они вытерлись и сели в шезлонги.

– Где ты так хорошо выучил английский? – спросила Эмили.

– Я каждый год на каникулы езжу в Англию. Мы с друзьями снимаем в Лондоне квартиру на лето и подрабатываем официантами, не столько ради денег, сколько ради языковой практики.

Эмили оживилась.

– Официантами? А где? Я бываю в Лондоне.

Тонино хмыкнул.

– Сомневаюсь, что ты бываешь в таких заведениях. Мы же не в «Клариджис» работаем, туда студентов не берут. Обычно мы нанимаемся в какой-нибудь паб, девочки вроде тебя туда не ходят.

И этот считает ее ребенком! Эмили приподнялась в шезлонге и шутливо хлопнула Тонино по голове свернутым полотенцем.

– Девочки? Между прочим, мне двадцать лет, я уже не ребенок!

Тонино собирался объяснить, что говорил не о возрасте, он имел в виду так называемых девушек из общества, но не успел.

– А ведешь себя, как пятилетняя! – прогремел над их головами грозный голос.

Эмили и Тонино, как по команде, обернулись. Позади них, точнее над ними – потому что он подошел почти вплотную к шезлонгам и с видом карающего ангела взирал на сидящих в них юношу и девушку с высоты своего немалого роста – возвышалась крупная фигура Люка.

На его лицо падала тень от пальмы, и, вероятно, от этого оно казалось угрожающе мрачным. Впечатление усиливалось и тем, что Люк был в сером деловом костюме, а Эмили и Тонино – в купальных. Несмотря на жару, Эмили покрылась гусиной кожей.

Тонино вскочил и бодро воскликнул:

– Привет, Люк! Мы не слышали, как ты подошел!

– Еще бы, вы так хохотали, что было слышно даже в доме. Естественно, вы никого, кроме себя, не слышали. Интересно, что вас так рассмешило?

Эмили тоже встала. Люк быстро окинул взглядом всю ее стройную фигурку в крошечном купальнике, на какую-то долю его зрачки расширились, Эмили показалось, что в них что-то вспыхнуло, но Люк тут же прищурился, спрятав глаза за густыми черными ресницами. Однако даже этой мгновенной вспышки хватило, чтобы Эмили бросило в жар, хотя меньше минуты назад ее бил озноб. У нее мелькнула мысль, уж не заболела ли она, если ее бросает то в жар, то в холод. Чтобы скрыть смущение, Эмили пожала плечами и как можно небрежнее проговорила:

– Ничего особенного, мы просто разговаривали о том, о сем.

Ну вот, теперь в ее голосе слышатся виноватые нотки! Эмили досадливо поморщилась. Ей не в чем оправдываться перед Люком, она не сделала ничего предосудительного. Это он виноват, с порога заговорил с ними таким прокурорским тоном, вот она и почувствовала себя нашкодившим ребенком. Решив исправить положение, она натянуто улыбнулась и предложила:

– Присоединяйся к нам, вода уже нагрелась.

Люк немного смягчился.

– Спасибо за приглашение, но мне нужно сначала принять душ и привести себя в порядок.

Только сейчас Эмили заметила, что его безукоризненно сшитый костюм измят, как будто Люк спал в нем, а на щеках темнеет щетина.

Перехватив ее взгляд, Люк пояснил:

– Я провел ночь в самолете и не успел побриться. Встретимся за ланчем. – Он посмотрел на ее плечи, стараясь не опускать взгляд ниже. – Между прочим, советую тебе прикрыться. Ты можешь сгореть, этот, с позволения сказать, купальник, ничего не закрывает. – Переведя взгляд на Тонино, Люк грозно нахмурился. – Я понимаю, Эмили не привыкла к нашему солнцу, но ты-то каким местом думал? Или для тебя возможность полюбоваться престелями Эмили важнее ее здоровья?

– Я... мы...

Тонино густо покраснел, лепеча нечто невразумительное, но Люк уже развернулся и зашагал к дому. После его ухода воцарилось неловкое молчание. Хорошее настроение Эмили улетучилось без следа. Тонино тоже как-то сник. Они еще немного поплавали, но без прежнего энтузиазма, и вскоре Эмили, сославшись на усталость, поднялась в свою комнату, а Тонино остался у бассейна.

Только оказавшись в своей комнате, Эмили дала выход эмоциям. Подбежав к кровати, она плюхнулась на покрывало и в сердцах замолотила кулаками по подушке. Ох уж этот Люк! Мало того что по завещанию отца ей предстоит почти целый год зависеть от Люка материально, так теперь он сам осложняет ей жизнь еще больше! Неужели он не мог вести себя цивилизованно, например, как Тонино?

Эмили не представляла, долго ли сможет терпеть нападки Люка и непредсказуемые перепады его настроения. Оставалось только надеяться на то, что Люк что-нибудь придумает и она вернется в Англию в самое ближайшее время. Судя по его сегодняшнему поведению, он не в восторге от ее приезда, возможно, он найдет способ как-то обойти завещание ее отца, чтобы они не были привязаны друг к другу. А пока, решила Эмили, нужно постараться как можно меньше его раздражать. Наверное, лучше всего будет вообще держаться от него подальше,

благо Тонино ничего не имеет против ее общества и, похоже, всегда готов составить ей компанию.

Приняв решение, Эмили стала одеваться к ланчу. Она выбрала льняные брюки-«капри» фисташкового цвета, белую футболку и белые босоножки на плоской подошве – вполне скромный наряд, по ее мнению. Волосы она собрала в хвост на затылке, чтобы не было жарко.

Люк пришел в столовую последним, Эмили и Тонино уже сидели за столом, и Роза уже поставила фарфоровую миску с салатом «цезарь». Кивнув Тонино, Люк быстро окинул взглядом стройную фигуру Эмили. Девушке показалось, что он чуть-чуть, самую малость, задержал взгляд на ее груди, обтянутой белой футболкой. Эмили уж было засомневалась, не стоило ли ей надеть свободную блузку, но Люк отвел взгляд. Его лицо было непроницаемым, как маска.

За ланчем разговаривал, в основном, Тонино, Эмили старалась поддерживать разговор, а Люк вставлял короткие реплики, да и то только тогда, когда к нему обращались. Эмили сидела как на иголках, у нее даже аппетит пропал. Роза приготовила вкуснейшую лазанью, но Эмили к ней почти не притронулась. Наконец Люк отодвинул от себя чашку с недопитым кофе и встал.

– Эмили, если ты закончила, нам нужно поговорить. Пойдем в мой кабинет.

Эмили покорно встала и последовала за ним. Кабинет Люка находился в том же крыле, где поместили Эмили, только на первом этаже. Две боковые стены занимали старинные дубовые шкафы с книгами, в простенке между высокими, от пола до потолка, окнами, находился старинный камин, судя по всему, действующий, но в комнату было проведено и современное отопление. На старинном письменном столе прекрасно смотрелись самые современные компьютер, телефон и факсовый аппарат.

Перехватив взгляд Эмили, Люк пояснил:

– Здесь у меня домашний офис, при необходимости я могу руководить своими предприятиями, не покидая виллы. Садись.

Эмили прошла и села в кресло у камина. Люк сел на стул, развернув его боком к письменному столу. Стул был выше кресла, и Эмили пришлось смотреть на Люка снизу вверх, ей это не понравилось, но она решила, что, если вдруг вскочит и начнет пересаживаться с места на место, это будет еще хуже.

– Прежде всего я хочу извиниться, что не встретил тебя в аэропорту. Меня задержали дела, я прилетел так быстро, как только смог. – Люк снисходительно усмехнулся. – Но ты, как я заметил, не скучала в мое отсутствие.

– Ты правильно заметил, Тонино очень славный.

– В отличие от меня, ты хочешь сказать?

Эмили напряженно выпрямилась в кресле. Ничего подобного она не говорила и говорить не собиралась. Она не видела ничего предосудительного в том, что они с Тонино нашли общий язык, но Люка это, по-видимому, раздражало, и Эмили не понимала почему.

– Ты хотел поговорить со мной именно об этом? – спросила она, слыша в собственном голосе дерзкие нотки.

– Нет, и ты прекрасно это знаешь. Речь пойдет о завещании твоего отца.

Эмили вскочила и заходила по комнате, не в силах справиться с эмоциями.

– Нелепое завещание! Не понимаю, как папа мог такое придумать! Зачем? Может, это была шутка? Папа же не собирался умирать в пятьдесят лет, он был такой бодрый, он... я не думала...

Не договорив, Эмили всхлипнула, и из ее глаз брызнули слезы. Она хотела промокнуть глаза, но оказалось, что в ее одежде нет карманов, а значит, нет и носового платка. Люк, как настоящий джентльмен, пришел на выручку и протянул ей носовой платок со своей монограммой. Встав из-за стола, он остановился рядом с Эмили и медленно поднял руку. Несколько секунд Эмили казалось, что он собирается обнять ее за плечи, но Люк похлопал ее по плечу и заботливо, почти по-отечески сказал:

– Поплачь, тебе станет легче.

Пока Эмили вытирала слезы, он достал из мини-бара, замаскированного под стенную панель, бутылку минеральной воды, налил в стакан и протянул девушке.

– На, выпей, а мне, пожалуй, требуется кое-что покрепче.

После недолгого колебания он снова открыл мини-бар, достал початую бутылку виски и широкий низкий стакан. Бросив в стакан пару кубиков льда, он плеснул поверх щедрую порцию крепкого напитка.

– Спасибо. Извини, Люк, я все еще не привыкла к мысли, что папы больше нет.

Люк снова похлопал ее по плечу.

– Не извиняйся, это естественно. Я знаю, как вы с Россом были близки, ведь он заменил тебе и мать. Тебе, должно быть, очень тяжело оставаться одной в вашем большом доме в Лестере. Почему бы тебе не пожить некоторое время на вилле? Сменишь обстановку, отдохнешь, наберешься сил, а там посмотрим, как быть дальше.

– Спасибо за приглашение, Люк, но мне не нравится неопределенность моего положения. По-моему, мы должны вместе подумать, как обойти условия папиного завещания. У меня были такие большие планы... Я собиралась, получив диплом, открыть собственный фитнес-отель, но для этого мне понадобятся деньги, нужно снять помещение, сделать ремонт, набрать персонал. Двадцать один год мне исполнится только в следующем мае, я не хочу ждать почти целый год до тех пор, пока смогу распоряжаться своим наследством. И вообще, я хочу жить самостоятельно и ни от кого не зависеть. Ты же ужасно умный, придумай какой-нибудь способ обойти завещание!

Люк слушал ее с таким видом, с каким взрослый слушает милого, но наивного ребенка, рассказывающего небылицы.

– Ты все сказала?

– Пожалуй, да.

– Теперь послушай, что я скажу. Честно говоря, Эмили, ты меня удивила, я думал, ты знаешь, что твой отец был умным, дальновидным человеком и проницательным бизнесменом.

Эмили даже обиделась.

– Я в этом ни секунды не сомневалась! – воскликнула она.

– Тогда почему ты подвергаешь сомнению его решение? Росс составлял завещание будучи в здравом уме и твердой памяти, он прекрасно знал, что делает. Завещание составлено так, чтобы оградить тебя от охотников за приданым. Подумай сама: молодая, неопытная и к тому же одинокая девушка с большими деньгами – лакомая приманка для прохиндеев и золотоискателей всех мастей.

– Значит, и ты тоже считаешь, что я не способна отличить мерзавца от порядочного человека? Как я теперь понимаю, папа был в этом уверен. Или, может, ты думаешь, что меня нельзя полюбить за что-то другое, кроме денег?

Люк взъерошил волосы пятерней, Эмили вспомнила, что у него этот жест означает нетерпение и досаду.

– Не переворачивай все с ног на голову! Я не говорил, что тебя невозможно полюбить. Уверен, у тебя нет недостатка в поклонниках – и в ближайшее время не предвидится. Ты легко вскружишь голову любому. Вот и мой брат уже без ума от тебя, хотя вы знакомы меньше суток.

– Какая ерунда, мы с Тонино просто подружились!

– Не перебивай, я дал тебе высказаться, теперь твоя очередь слушать. Когда вокруг девушки выются толпы мужчин, ей трудно сделать правильный выбор, к тому же охотники за приданым ловко маскируются. Но дело не только в этом. Ты всю жизнь жила... как бы это помягче выразиться, почти в тепличных условиях. Сначала привилегированная закрытая школа для девочек, потом престижный колледж. Росс старался по мере возможности ограждать тебя от столкновения с суровой реальностью. Я не уверен, что в этом он всегда был прав,

но сейчас это не важно, мы имеем то, что имеем. Ты не готова вступать в самостоятельную жизнь, тебе нужен опытный наставник.

Эмили воинственно вскинула голову.

– И на эту роль ты, конечно, предлагаешь себя?

Люк вздохнул и терпеливо пояснил:

– Дело не в том, кого предлагаю я, за нас решил твой отец, и мы должны выполнить его последнюю волю.

– Но это же невозможно! Я не могу ждать целый год!

В отличие от Эмили Люк, казалось, не видел в завещании Росса Лэнсона ничего необычного. Он пожал плечами.

– Не понимаю, Эмили, что тебя не устраивает? Мир не перевернется, если ты начнешь строить отель своей мечты не сейчас, а через год. Более того, ты можешь провести этот год с пользой для будущей работы. Как знать, вдруг здесь, в Италии, ты почерпнешь какие-нибудь новые идеи для своего будущего предприятия? Ты можешь оставаться на вилле столько, сколько захочешь, места, как видишь, всем хватит. Я постараюсь выкроить время, чтобы свозить тебя в Милан, в Венецию, еще куда-нибудь, где ты захочешь побывать. В Италии каждый город – музей под открытым небом.

Эмили с сомнением покачала головой. Ей казалось, что если она отложит воплощение своих планов в жизнь на целый год, то они не воплотятся никогда, и ее раздражало, что Люк этого не понимает. Однако дело было не только в этом. Если бы она приняла предложение Люка, им пришлось бы проводить вместе довольно много времени, а она не знала, как вести себя с ним. Будучи другом и партнером Росса, Люк был намного его моложе и по возрасту никак не годился Эмили в отцы, он бы куда больше подошел на роль старшего брата. Но что-то мешало Эмили относиться к нему, как к брату, она видела в нем в первую очередь привлекательного мужчину, а вот он в ней – девчонку, дочь старшего товарища. Всякий раз, когда Люк оказывался рядом, Эмили боялась выдать свои чувства, и, чтобы не показаться смешной, она становилась ершистой, начинала дерзить. А совсем недавно, несколько минут назад, когда Люк ее утешал, ей вдруг захотелось, чтобы он привлек ее к себе, обнял по-настоящему. Но он лишь похлопал ее по плечу, словно любящий дядюшка, и отошел.

А перепады его настроения? Люк то становился заботливым, почти как отец, то вдруг ни с того ни с сего начинал на нее злиться за малейшую провинность, зачастую им же и выдуманную. Достаточно вспомнить, как утром он накинулся на нее за то, что она лежала на солнце, как накричал на бедного Тонино. Будь на месте Люка другой мужчина, Эмили решила бы, что он ревнует, но с Люком такой вариант исключался. Со слов отца Эмили знала, что женщины так и вьются вокруг Люка, словно мотыльки вокруг лампы, он выбирает любую, какая ему понравится, но ни одна не задерживается рядом с ним надолго. «Люби и бросай» – вот его принцип. Так что сейчас его, по всей вероятности, просто раздражает, что ему навязали девчонку, которую он должен опекать и развлекать. Но, несмотря ни на что, предложение пожить на вилле казалось заманчивым, в любом случае это лучше, чем жить одной в родительском доме. Эмили пришло в голову, что, если она останется, ей, возможно, удастся уговорить Люка ссудить ее деньгами в счет будущего наследства, хотя надежды на это было не очень много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.